

3. Голендухин, Л. Д. Начало организации местного горнозаводского управления на Урале в первой четверти XVIII века: (к вопросу о назначении В. Н. Татищева на Урал в 1720 году) / Л. Д. Голендухин // *Материалы к биографии В. Н. Татищева* / ред. А. Г. Козлов. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – С. 39–67.
4. Козлов, А.Г. В.Н. Татищев и заводское строительство на Урале / А.Г. Козлов // *Материалы к биографии В.Н. Татищева*. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – С. 68–77.
5. Павленко, Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века / Н. И. Павленко. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 536, 3 с.
6. Пальмов, Н.Н. К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева / Н. Н. Пальмов // *Известия Академии наук СССР*. – 1928. – С. 317–342.
7. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 271 «Берг-коллегия». – Оп 1. – Д. 89.
8. Российский государственный архив древних актов. – Государственный архив Российской империи. – Разряд 16. – Кн. 1. – Д. 600.
9. Смирнов, Г.А. Роль В.Н. Татищева в развитии горного и геологоразведческого дела на Урале / Г.А. Смирнов // *Очерки по истории геологических знаний*. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – Вып. 5.
10. Татищев, В.Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. / В.Н. Татищев. – М. : Наука, 1990. – 438 с. – (Научное наследство. – Т. XIV).
11. Троицкий, С.М. Финансовая политика русского абсолютизма / С. М. Троицкий. – М. : Наука, 1966. – 272 с.
12. Ферлюдин, П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России / П. Ферлюдин. – Саратов : типо-лит. П. С. Феокритова, 1893. – [4], X, 187 с., 2 л. табл.
13. Юхт, А.И. В.Н. Татищев в Москве (К истории денежного обращения в России в 20-30-х годах XVIII в.) / А.И. Юхт // *Исторические записки*. – Т. 101. – М. : Наука, 1978. – С. 323–337.
14. Юхт, А.И. Письма и записки В.Н. Татищева о денежном обращении и монетном деле в первой трети XVIII в. / А.И. Юхт // *Памятники русского денежного обращения XVIII – XX вв.* – М. : Исторический музей, 1980. – С. 117–158.
15. Юхт, А.И. Проекты В.Н. Татищева 1721–1726 гг. о развитии промышленности и торговли на Урале и Сибири / А.И. Юхт // *История и историки. Историографический ежегодник*. 1971. – М. : Наука, 1973. – С. 293–330.

Десятков К.С.

ТРАВЕЛОГ ПЕТРОВСКОГО ДИПЛОМАТА НАЧАЛА XVIII ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (на примере «Дневника и путевых заметок» князя Б.И. Куракина)

На завершающем этапе переходного процесса к культуре Нового времени (с конца XVII – в начале XVIII века) в России постепенно распространяется новая культурная парадигма, подчиняя рациональному началу вопросы иррациональной религиозной сферы, создавая механизмы освоения новой культуры в разных социальных слоях и видоизменяя социокультурные нормы «благородного» поведения и рамки приличий. Страна, на пути от Московского царства к Империи Нового времени, мучительно преодолевая последствия социальных и культурных «вызовов» эпохи, находилась в состоянии творческого поиска новой психосоциальной, национальной и культурной идентичности. И некоторые представители петровской аристократии достигли на этом пути весьма впечатляющих результатов – с точки зрения личного опыта, переходной эпохи и даже, наконец, освоения географического пространства.

Поэтому не случайно, именно история путешествий к началу XXI столетия становится популярнейшим направлением новой культурной истории в плане изучения различных культурных практик [3, с. 80]. Главным образом, подобный рост и популярность связаны с психологическими и историко-антропологическими особенностями феномена путешествий у представителей европейской культуры разных эпох нового и новейшего времени. Ведь целенаправленные передвижения человека вызывают одновременно изменения и смещения в его сознании, установках его поведения. Путешествие – это динамика пути, путевой стиль и путевые состояния. Во время путешествия происходит расширение сознания, обострение всех чувств. Человек видит и чувствует по-другому, он вырван из привычной, повседневной обстановки и как бы расширяет пространство. Образы и стереотипы восприятия последнего также видоизменяются во время процесса путешествия, причем на них оказывают влияние идеологические установки, этнопсихологические эталоны культуры и сакральные объекты традиции. Между тем историко-географические образы путешествий отличаются сравнительной компактностью, простотой и надежностью, они тесно связаны со стереотипами – упрощенными географическими представлениями, выверенными и уплощенными длительными промежутками времени [6, с. 138]. В так называемые «переходные» эпохи специфика путешествий еще более усложняется, с учетом процессов трансформации культуры, традиции самого путешественника и проблемой выбора.

Неудивительно, что герой нашего исследования довольно часто оказывался в нетипичных и даже пограничных ситуациях, когда за неимением образца ему приходилось самостоятельно находить решение и определять дальнейшие способы действия, опираясь при этом на личный опыт и творческое начало, и часто своей общественной практикой противореча принятой пове-

денческой традиции. Речь идет об одном из наиболее талантливых и профессиональных русских дипломатов и государственных деятелей петровского времени, который во многом стоял у истоков всей системы дипломатических представительств России за рубежом и часто исполнял функции заместителя канцлера за границей, князе Б.И. Куракине (1676–1727)¹. Свояк Петра I (первая жена Бориса Ивановича А.Ф. Лопухина приходилась родной сестрой Евдокии Федоровне Лопухиной, первой супруге царя), а также комнатный его царского величества, получивший образование в Венеции и оставивший для потомков прекрасные воспоминания князь отличался «политическим» умом, тактом, необычайной наблюдательностью, а также знанием нескольких европейских языков и правил светского обхождения, выделяясь не только среди русских путешественников петровской эпохи, но и среди зарубежных дипломатов.

Помимо обширной корреспонденции и разного вида бумаг: протоколов посольств и переговоров, заметок о европейских странах с характеристиками владетельных особ и министров (в личном княжеском архиве усадьбы Надеждино хранилось около 80 переплетенных томов), князь являлся автором литературных произведений следующих жанров: «Автобиография» (в оригинале – «*Vita del Principe Boris Koribut-Kourakin del famiglia de polonia et litoania*» (1709), «Дневник и путевые заметки» (1705–1708), «История о царе Петре Алексеевиче» (1727). В них он нередко предстает не просто нарушителем традиций и вольнодумцем, а первым русским автором петровского времени, привносящим личный элемент в свою общественную практику, причем как частное лицо с собственной судьбой и биографией, а не как государственное или церковное. Вместе с тем, Куракин пытался обосновать право на подобное светское «житие» ссылаясь на опыт мемуарной практики других народов. В своей знаменитой «Автобиографии» или *Vita*, он, по мнению американского историка Эрнста Зицера, являясь одним из первых русских мемуаристов, причем работавшим за два-три поколения до момента, когда в России мемуаристика вошла в моду, совершил уникальный опыт «самосотворения», фактически переписав свою собственную жизнь [9, с. 165].

Что же касается «Дневника и путевых заметок» (1705–1708)² то они создавались князем главным образом на основе его богатейшего опыта впечатлений от путешествий по разным странам Центральной и Западной Европы в качестве богатого русского аристократа с целью лечения «на водах и курортах» (для него из-за постоянных приступов лихорадки и меланхолии, в отличие от большинства будущей русской аристократии это была жизненная необходимость, а не «веяние» моды или влияние традиции) или с различными дипломатическими миссиями. Имея такое замечательное прикрытие, князь путешествовал иногда под видом итальянского инженера Франциско Дамиани, тем более что приходилось исполнять различные поручения царя, в том числе и тайные. Петр I, будучи весьма прагматичным человеком, вероятно уже в 1705 году, судя по позднейшей переписке с главой Посольского приказа Ф.А. Головиным, задумал использовать князя Б.И. Куракина по дипломатической линии. К тому же данный шаг выглядел довольно логично в свете петровских реформ дипломатической службы (отказ от «оказиальной дипломатии» [2, с. 121] и т.п.) и проведения в жизнь новых принципов внешней политики России, учитывая, что дипломатическому корпусу того времени отчаянно не хватало исконно русских представителей на европейской международной арене. А положение на ней к 1706 году сложилось исключительно серьезное. Происходящие параллельно Северная война и война за испанское наследство в очередной раз грозили перерасти в единый конфликт с непредсказуемыми последствиями. Карл XII, в погоне за Августом II по уже основательно разоренной шведскими и саксонскими войсками Польше, готовился вторгнуться в богатую и зажиточную Саксонию. И подобная ситуация чрезвычайно беспокоила участниц Великого союза Англию и Голландию. Настолько, что на время были забыты определенные противоречия между ними (гданьское дело, франко-голландская торговля и др.) и морские державы, как и в начале войны, выступили единым фронтом [8, с. 89–112].

¹ Автобиографию и несколько различных вариантов его биографий см.: Куракин Б.И. Семейная хроника и воспоминания // Киевская старина. – 1884. – Сентябрь–декабрь. – С. 104–115; Архив князя Ф.А. Куракина / под ред. М.М. Семевского. – СПб.; Саратов, 1890–1895 – Кн. I. – 387 с.; Брикнер А.Г. Русский турист в Западной Европе в начале XVIII в. // Русское обозрение. – 1892. – Т.1. – №1. – С.5–38; Кедров С.И. Русь Петра Великого за границей: князь Борис Иванович Куракин. (На основании изданных книг Архива кн. Ф.А.Куракина) // Русский архив. – 1903. – № 5–6. – С.23–50; №11–12. – С. 353–391; 1904. – № 5–6. – С. 174–199; 1905. – № 3. – С. 377–424; 1906. – №. 4. – С. 497–592; 1907. – № 7. – С. 289–313; 1912. – №. 2, 5. – С. 5–29.

² Общая характеристика и первые издания источника см.: 4.

Именно в подобной непростой международной обстановке началась длительная и успешная дипломатическая карьера Бориса Ивановича, которую сопровождали постоянные путешествия и командировки. В результате князь за несколько лет посетил различные местности и города Прибалтики, Польши, Пруссии, Германии, Нидерландов, Италии, Австрии. Очень внимательный и вдумчивый наблюдатель западноевропейской жизни, достаточно подготовленный к восприятию её различных сторон, Б.И. Куракин составил наиболее обширные и глубокие записки, чем большинство его соотечественников. Переход от старых форм жизни к новым европейским был для него не столь болезненным, как для других. Естественно войдя в быт и миропонимание иноземной жизни, князь воспринимал и перенимал не только внешнюю сторону европейской культуры, но и отчасти её внутреннее содержание [4, с. 217]. Поэтому неудивительно, что во многих местах его дневник совпадает с неким общим стереотипом записок европейских путешественников века Просвещения, конечно с влиянием статусных и культурно-языковых отличий. Картины и образы различных местностей Европы воспроизводятся в путевых заметках Куракина с точки зрения климата, культуры, нравов, обычаев наряду с историческими, политическими, статистическими, естественно-научными, военно-инженерными, медицинскими условиями.

Реально-исторический пространственно-временной план выходит у него на одно из первых мест. Он старается с большой географической точностью, объемностью пространства и строгой соотнесенностью с картой мира описывать места пребывания во время путешествий. «Из Амстрада поехал в ночь 25 дня ноября в воскресенье и ехал на город Лейду, а с Лейды на Дельфт, один город, и с Дельфты – в Манзельшлосс и все барками, каналами, и тут за погодою ночевали на вторник, и во вторник поехали по утру одною большою баркою – рекою и мало моря прихватили, в Бриль, и приехали в четыре часа и в Бриле ночевали на среду» [1, с. 139]. Передвигался Борис Иванович, в основном используя сухопутный вид транспорта – в каретах и экипажах, но иногда прибегая к водному: баркам, пакет-ботам и яхтам. Останавливался князь преимущественно в различных гостиницах или снимал жильё. Путешественника также интересовали вопросы экономики: деятельность кредитных учреждений, техника перевода денег, вексельного обращения, обменные курсы валют. Помимо местных государственных лиц и тех предпринимателей, которые покровительствовали и тайно помогали России торговыми и оружейными поставками, Куракин много общался с городскими обывателями: мастерами, хозяевами гостиниц и магазинов, докторами и учеными. Борис Иванович обращает внимание на внешний вид городов и особенности городского быта, отмечая чистоту улиц, застройку преимущественно каменными домами, наличие ночного освещения, устройство оранжерей, садов, зверинцев, опрятность горожан, вошедшие в моду загородные пикники, променады, лечение на водах, катание на коньках (Голландия) и посещение кофеен – излюбленных мест общения горожан [7, с. 19–20].

Что касается языка, на котором написаны путевые заметки, то здесь можно не согласиться с отечественными и зарубежными исследователями, которые упрекают Бориса Ивановича за ненужные заимствования, использование «смешанного жаргона» и некстати употребляемые варваризмы (В.В. Виноградов, Л.А. Булаховский, Э. Вагеманс и др.). Однако, к началу нынешнего века появилась иная точка зрения (М.Б. Ясинская, Е.В. Анисимов и др.), представители которой считают, что проблема здесь значительно более глубокая и князь использовал многочисленные иноязычные заимствования в различных контекстах, прежде всего потому, что не находил адекватного выражения им в русском языке, обладая многоязычным языковым сознанием и определенными стереотипами «другой» культуры. Поэтому, совсем не удивительно наличие многочисленных иноязычных заимствований в его текстах: экзотизмов, этнографизмов и варваризмов [5, с. 31]. Их использование в языке князя было связано с заграничными впечатлениями и особенностями быта и культуры некоторых стран и народов Европы, а также с сугубо профессиональной дипломатической, агентурной и кораблестроительной деятельностью.

Таким образом, на основе «Дневника и путевых заметок князя Б.И. Куракина» в Нидерландах, мемуарного источника начала XVIII века, предполагающего не только прямой, но и ретроспективный взгляд путешественника на события, удастся более глубоко реконструировать эмоционально-психологический, социальный и интеллектуальный опыт автора, его особые способы «присвоения мира», процесс формирования стратегии собственного поведения и индивидуальных практик, с учетом влияния культурной памяти, различных представлений и стереотипов поведения в определенной конфигурации межличностного взаимодействия.

1. Архив князя Ф. А. Куракина / под ред. М. М. Семевского. – СПб. ; Саратов, 1890–1895. – Кн. I. – 387 с.
2. Базарова, Т.А. Русские дипломаты при Османском дворе: стайные списки П.П. Шафировой и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. / Т.А. Базарова. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2016. – 864 с.
3. Берк, П. Историческая антропология и новая культурная история / П. Берк // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 5(75). – С. 80.
4. Блудилина, Н. Д. Борис Иванович Куракин. Дневник и путевые записки (1705–1708) / Н. Д. Блудилина // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. – М. : ИМЛ им. А.М. Горького РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 215–311.
5. Вагеманс, Э. Петр Великий в Бельгии / Э. Вагеманс. – СПб. : Гиперион, 2007. – 232 с.
6. Замятин, Д.Н. Метагеография / Д.Н. Замятин. – М. : Аграф, 2004. – 512 с.
7. Карпов, Г.М. Борис Иванович Куракин / Г.М. Карпов // Вопросы истории. – 2007. – № 5. – С. 18–32.
8. Крылова, Т.К. Россия и Великий союз / Т.К. Крылова // Исторические записки. – 1942. – № 13. – С. 85–129.
9. Zitser, E.A. The Vita of Prince Boris Ivanovich "Korybut"-Kurakin: Personal Life-Writing and Aristocratic Self-Fashioning at the Court of Peter the Great / E. A. Zitser // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – Band 59 (2011). – Heft 2. – PP.163–165.

Цеске Э.
ЛИТЕРАТУРА ПУТЕШЕСТВИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК:
ПРИМЕР ПРИБАЛТИЙСКИХ НЕМЦЕВ
(середина XVIII – начало XIX века)

Литература путешествий представляет собой огромный, очень богатый пласт всевозможной информации об истории культуры во всех ее проявлениях, а также о социальной антропологии и других отраслей гуманитарных наук, но этот пласт до последнего времени исследовался лишь фрагментарно.

Задача настоящего доклада – на примере заметок путешествий прибалтийских немцев, сопоставляя их с исследованиями литературоведов Запада, в основном немецкой историографии, выяснить особенности этого жанра как исторического источника.

Понятие “литература путешествий” включает в себя не только непосредственно записки, дневники, журналы путешествий или письма, но так же и средства для подготовки к путешествиям: аподемики, путеводители, географические карты и др. Они существенно отличаются между собой как по количеству, так и по характеру и степени достоверности содержащейся в них информации. Одним из основных критериев при классификации литературы путешествий является ее адресат. Им может являться один человек, определенная социальная группа или все общество. Исходя из этого, литературу путешествий можно разделить на персональную (не предназначалась для печати) и общественную (предназначалась для печати с самого начала). К первой группе относятся дневники и журналы путешествий, а также и письма, ко второй – очерки, путеводители, аподемики и пр.

Предназначались данные тексты для печати или нет – это в значительной степени определяло их характер: если автор, например, письма и дневника не очень ограничивал себя в проявлениях своих взглядов и эмоций, то публичность диктовала ему относительную предосторожность как из-за политических, так и этических соображений.

Но есть и другая сторона вопроса: с е л е к т и в н о с т ь изображаемого материала. Ведь путешественника интересовали не все стороны реальности (хотя есть и такие примеры), а только такие, к которым интерес у него пробудился ввиду социальной среды, образования, общественных или эстетических взглядов, политической или другого рода актуальности, даже моды. Хотя такие тексты и не дают исследователю полное представление о разных сторонах описываемой страны или цивилизации, они дают возможность проникнуть в духовный мир автора, его взглядов, интересов, увлечений и, как правило, даже предрассудков. Как указывает немецкий культуролог и антрополог Михаэл Харбсмайер (Michael Harbsmeier), “[...] заметки путешествий могут быть рассмотрены как вид неосознанного самоотражения (unfreiwilliger Selbstdarstellung) личности реципиента. Уже эта черта придает текстам, исследуемым таким образом, совершенно другую степень правдоподобности [...]” [3, с. 2]

Именно эта субъективная сторона отсутствует у опубликованных очерков путешествий. Они (особенно в Германии в конце третьей четверти XVIII века) порой превращались в сухие, скучные статистические описи с бесконечным перечислением разных земель, городов и сел, упоминанием числа их населения, числа и рода мануфактур, видов полезных ископаемых, отраслей сельского хозяйства и пр. Или – другая крайность – становились политическими агитационными брошюрами накануне Великой французской революции и во время нее. Но в то же